

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности части первой статьи 53
Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами
граждан О.А.Балуковой и Ю.М.Чернигиной

город Санкт-Петербург

31 января 2024 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя
В.Д.Зорькина, судей А.Ю.Бушева, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева,
С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, М.Б.Лобова, С.П.Маврина,
Н.В.Мельникова, В.А.Сивицкого,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции
Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и
четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и
99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде
Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке
конституционности части первой статьи 53 УК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явились жалобы граждан О.А.Балуковой
и Ю.М.Чернигиной. Основанием к рассмотрению дела явилась
обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли
Конституции Российской Федерации оспариваемое ими законоположение.

Поскольку обе жалобы касаются одного и того же предмета, Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь статьей 48 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», соединил дела по этим жалобам в одном производстве.

Заслушав сообщение судьи-докладчика В.А.Сивицкого, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Согласно части первой статьи 53 УК Российской Федерации ограничение свободы заключается в установлении судом осужденному следующих ограничений: не уходить из места постоянного проживания (пребывания) в определенное время суток, не посещать определенные места, расположенные в пределах территории соответствующего муниципального образования, не выезжать за пределы территории соответствующего муниципального образования, не посещать места проведения массовых и иных мероприятий и не участвовать в указанных мероприятиях, не изменять место жительства или пребывания, место работы и (или) учебы без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации; при этом суд возлагает на осужденного обязанность являться в специализированный государственный орган, осуществляющий надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, от одного до четырех раз в месяц для регистрации; установление судом осужденному ограничений на изменение места жительства или пребывания без согласия указанного специализированного государственного органа, а также на выезд за пределы территории соответствующего муниципального образования является обязательным.

1.1. По результатам рассмотрения уголовного дела, в рамках которого гражданка О.А.Балукова признана потерпевшей и гражданским истцом, приговором мирового судьи судебного участка № 387 Басманного района города Москвы от 7 июля 2021 года гражданин Л. осужден за совершение преступления, предусмотренного частью первой статьи 119 «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью» УК Российской Федерации. С учетом наличия смягчающих наказание обстоятельств и отсутствия отягчающих ему назначено ограничение свободы сроком на один год с установлением следующих ограничений: не уходить из места постоянного проживания (пребывания) с 23:00 до 06:00, не выезжать за пределы города Москвы, не изменять место жительства или пребывания без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы (которым в соответствии с частью первой статьи 47¹ УИК Российской Федерации является уголовно-исполнительная инспекция), не посещать места проведения массовых и иных мероприятий и не участвовать в них. Также на Л. возложена обязанность являться в уголовно-исполнительную инспекцию один раз в месяц для регистрации.

О.А.Балукова, выражая несогласие с этим приговором в том числе в части назначенного наказания – полагая его чрезмерно мягким, не отвечающим тяжести содеянного, не способствующим восстановлению социальной справедливости и не позволяющим предотвратить совершение осужденным новых актов насилия в отношении нее, поскольку судом не установлено ограничений в виде запрета посещения осужденным ее места жительства и работы, – оспорила его в апелляционном порядке.

Апелляционным постановлением районного суда от 20 сентября 2021 года подтверждена правомерность вынесенного мировым судьей решения, а доводы О.А.Балуковой отвергнуты с разъяснением, что наказание Л. назначено в том числе с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления, данных о его личности и влияния назначенного наказания на его исправление; наказание признано справедливым и

соразмерным содеянному, отвечающим целям исправления осужденного и предупреждения совершения им новых преступлений. Также суд апелляционной инстанции со ссылкой на пункт 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 года № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» указал, что суд не вправе установить осужденному ограничения и возложить на него обязанности, не предусмотренные статьей 53 УК Российской Федерации.

О.А.Балукова обжаловала решения судов первой и апелляционной инстанций в кассационном порядке, утверждая, что опасается продолжения совершения в отношении нее противоправных действий со стороны осужденного, и полагая с учетом этого, что имеются основания для установления Л. в период ограничения свободы также запрета посещать место ее жительства и работы, а именно находиться на расстоянии ближе 300 метров от этих мест.

Постановлениями судьи кассационного суда общей юрисдикции и судьи Верховного Суда Российской Федерации также констатирована справедливость назначенного наказания и его соразмерность содеянному. При этом судьи отметили, что вопрос о дополнении ранее установленных осужденному ограничений свободы в соответствии с частью третьей статьи 53 УК Российской Федерации может быть разрешен судом в период отбывания наказания по представлению специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы.

О.А. Балукова – указывая на то, что в ходе производства по уголовному делу в отношении Л. действовала мера пресечения в виде запрета определенных действий, в рамках которой ему были установлены запреты находиться в определенных местах, в том числе ее проживания и работы, а также ближе 500 метров до указанных объектов, общаться с ней, включая общение при помощи средств связи и через интернет, направлять в ее адрес почтово-телеграфные и иные отправления, – просит признать часть первую

статьи 53 «Ограничение свободы» УК Российской Федерации не соответствующей статьям 19, 20, 21, 45 (часть 1), 46 (часть 1) и 52 Конституции Российской Федерации. Она утверждает, что оспариваемое законоположение нарушает ее права в той мере, в какой в силу своей неконкретизированности и ограничительного характера – в отличие от закрепленной в статье 105¹ УПК Российской Федерации меры пресечения в виде запрета определенных действий – оно не обеспечивает соразмерную уголовно-правовую защиту прав потерпевшего на личную неприкосновенность и на охрану достоинства личности от насилия, не позволяя при назначении предусмотренного этой нормой наказания за насилие, совершенное в отношении родственника или партнера (бывшего партнера), возложить на осужденного ограничения и запреты, связанные с нахождением в определенных местах, в том числе ближе установленного расстояния до конкретных объектов, если таковые соотносятся с потерпевшим (место его жительства, работы или учебы), общением с определенными лицами (в частности, с потерпевшим), а также приближением к потерпевшему, т.е. нахождением ближе установленного расстояния до него.

1.2. По результатам рассмотрения уголовного дела, в рамках которого гражданин Ю.М.Чернигина признана потерпевшей и гражданским истцом, приговором мирового судьи судебного участка № 153 района Хорошево-Мневники города Москвы от 9 апреля 2021 года гражданин Ш. осужден за совершение преступления, предусмотренного частью первой статьи 117 «Истязание» УК Российской Федерации. Ему назначено ограничение свободы сроком на один год с установлением следующих ограничений: не покидать с 23:00 до 06:00 помещение квартиры по фактическому месту жительства, не выезжать за пределы города Москвы и Московской области, не посещать места массовых и иных мероприятий, а именно общественно-политических, культурно-зрелищных, спортивных, и не участвовать в них, не изменять место жительства без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием

осужденными наказания в виде ограничения свободы. Кроме того, на Ш. возложена обязанность являться в уголовно-исполнительную инспекцию один раз в месяц для регистрации.

На данный приговор в интересах Ю.М.Чернигиной подана апелляционная жалоба, в которой в том числе указывалось на чрезмерную мягкость назначенного наказания. Однако апелляционным постановлением районного суда от 29 июля 2021 года подтверждена правомерность вынесенного мировым судьей решения в части назначенного наказания.

Утверждая, что с учетом материалов дела, данных о личности осужденного у суда были основания установить ему больше ограничений и обязанностей, связанных с наложением запрета посещать в определенное время суток ее местонахождение и местонахождение членов ее семьи, она подала жалобу в кассационный суд общей юрисдикции. Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 25 января 2022 года постановленный в отношении Ш. приговор по кассационной жалобе его адвоката изменен, из него исключены ссылки на последствия совершенного преступления и на учет отягчающих обстоятельств, а назначенное наказание смягчено до 10 месяцев ограничения свободы. При этом судебная коллегия не согласилась с доводами жалобы Ю.М.Чернигиной, отметив, что установление осужденному ограничений и возложение обязанностей является прерогативой суда и от волеизъявления потерпевшей, не оспаривавшей вид и размер наказания, не зависит.

Ю.М.Чернигина обратилась в Верховный Суд Российской Федерации с кассационной жалобой, в которой указывала, что назначенное наказание подлежит усилению путем установления осужденному запрета находиться на расстоянии ближе 300 метров от нее (вне зависимости от ее местонахождения), ее места жительства, работы, а также места учебы ее ребенка. Однако постановлением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 23 мая 2022 года ей отказано в передаче жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции. При этом

отмечено, что доводы об установлении осужденному дополнительных ограничений удовлетворению не подлежат, поскольку суд не вправе возложить на него обязанности, не предусмотренные статьей 53 УК Российской Федерации.

Ю.М.Чернигина утверждает, что часть первая статьи 53 УК Российской Федерации противоречит статьям 19, 20, 21, 45 (часть 1), 46 (часть 1) и 52 Конституции Российской Федерации в той мере, в какой не обеспечивает соразмерную уголовно-правовую защиту прав потерпевшего на личную неприкосновенность и на охрану достоинства личности от насилия, не позволяя при назначении предусмотренного этой нормой наказания за систематическое насилие и (или) насилие, совершенное в отношении родственника или партнера (бывшего партнера), возложить на осужденного ограничения и запреты, связанные с нахождением в определенных местах, в том числе ближе установленного расстояния до конкретных объектов, если таковые соотносятся с потерпевшим (место его жительства, работы или учебы), общением с определенными лицами (а именно с потерпевшим или его детьми), а также приближением к потерпевшему, т.е. нахождением ближе установленного расстояния до него.

1.3. Как следует из представленных материалов, суды, применяя часть первую статьи 53 УК Российской Федерации, рассматривали требования заявителей об установлении лицам, признанным совершившими в отношении них преступления, именно запрета посещать места, в которых может регулярно находиться потерпевший или его близкие (приближаться к таким местам на определенное расстояние), и приближаться к потерпевшему на определенное расстояние вне зависимости от его местонахождения. Соответственно, оспариваемая норма является предметом рассмотрения по настоящему делу только в этой части, не затрагивая вопроса о других запретах, на отсутствие которых, как нарушающее права, указывают заявители.

Таким образом, с учетом предписаний статей 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде

Российской Федерации» предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу является часть первая статьи 53 УК Российской Федерации в той мере, в какой на ее основании при применении ограничения свободы как вида наказания рассматриваются требования потерпевшего об установлении подсудимому запретов посещать места, в которых может регулярно находиться потерпевший или его близкие (приближаться к ним на определенное расстояние), и приближаться к потерпевшему на определенное расстояние вне зависимости от его местонахождения.

2. В Российской Федерации человек, его права и свободы являются высшей ценностью, ничто не может быть основанием для умаления достоинства личности, никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению. В числе других прав и свобод, действующих непосредственно, определяющих смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти и обеспечиваемых правосудием, право на охрану достоинства личности, а равно право на свободу и личную неприкосновенность принадлежат каждому от рождения, образуют основу свободы, справедливости и всех неотъемлемых прав человека, воплощают в себе одно из важнейших социальных благ человека, предполагающих повышенный уровень гарантий со стороны государства – включая средства уголовного закона – в соответствии с конституционными положениями и согласно общепризнанным принципам и нормам международного права (статья 2; статья 15, часть 4; статья 17; статьи 18 и 21; статья 22, часть 1, Конституции Российской Федерации; преамбула, статьи 1, 3 и 5 Всеобщей декларации прав человека; преамбула, статьи 7, 9 и 10 Международного пакта о гражданских и политических правах).

Любое посягательство на личность, ее права и свободы, а тем более на физическую неприкосновенность является одновременно и посягательством на человеческое достоинство, поскольку человек становится объектом произвола и насилия. В этой связи Конституция Российской Федерации, ее

статьи 19 (часть 1), 45, 46 (части 1 и 2) и 52, а также пункты 1, 4 и 6 Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью (принята 29 ноября 1985 года Резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН) гарантируют лицам, которым причинен вред – телесные повреждения, моральный и материальный ущерб, существенное ущемление основных прав – в результате действия или бездействия, нарушающего уголовный закон, в равной степени охрану их прав законом, обеспечение безопасности, физической неприкосновенности, предупреждение повторного противоправного посягательства либо угроз его причинения и не допускают возможности психологического воздействия осужденного на потерпевшего.

Непринятие своевременных мер к выявлению, предупреждению, предотвращению и (или) пресечению нарушений прав и свобод в тех случаях, когда в дальнейшем их восстановление оказывается невозможным, означало бы умаление чести и достоинства личности не только виновным в противоправном деянии, но и самим государством. Жертвы преступлений подлежат государственной защите, им должна предоставляться возможность собственными действиями добиваться, в том числе в рамках производства по уголовному делу, восстановления своих прав и законных интересов, которые не могут быть сведены исключительно к возмещению причиненного вреда, – эти интересы в значительной степени связаны также с разрешением иных вопросов, включая вопросы применения уголовного закона и индивидуализации наказания (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 1999 года № 1-П, от 14 февраля 2000 года № 2-П, от 24 апреля 2003 года № 7-П, от 11 мая 2005 года № 5-П, от 16 октября 2012 года № 22-П, от 2 июля 2013 года № 16-П, от 8 апреля 2021 года № 11-П и др.), с тем чтобы обеспечить защиту их прав и свобод, а также предупреждение новых преступных посягательств на них.

Тем самым государство обязано предусмотреть эффективные меры предупреждения общественно опасных деяний, посягающих на безопасность личности, обеспечить эффективное противодействие насилию, а также

вправе, приняв к сведению характер, тяжесть и степень распространенности таких деяний, в том числе уязвимость потерпевшего, выбрать ту или иную конструкцию состава правонарушения, установить признаки противоправности деяния, вид ответственности за его совершение, определить адекватные совершенному преступлению меры наказания с учетом особой конституционной значимости достоинства личности и права на личную неприкосновенность, необходимости повышенной их защиты, обеспечивая при этом соразмерность ответственности ценностям, охраняемым законом, включая уголовный, при строгом соблюдении принципов равенства, справедливости и гуманизма по отношению как к осужденным, так и к потерпевшим от преступных посягательств, нуждающимся в обеспечении государством гарантий их безопасности и личной неприкосновенности.

3. По смыслу правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации обязанность государства обеспечивать права потерпевших от преступлений не предполагает наделения их правом определять необходимость осуществления публичного уголовного преследования в отношении того или иного лица, а также пределы возлагаемой на это лицо уголовной ответственности и наказания – такое право в силу публичного характера уголовно-правовых отношений принадлежит только государству в лице его законодательных и правоприменительных органов. Юридическая же ответственность, если она выходит за рамки восстановления нарушенных преступлением прав и законных интересов потерпевших, включая возмещение причиненного этим деянием вреда, является средством публично-правового реагирования на преступное поведение, в связи с чем вид и мера ответственности лица, совершившего преступление, должны определяться исходя из публично-правовых интересов, а не частных интересов потерпевшего (постановления от 24 апреля 2003 года № 7-П, от 27 июня 2005 года № 7-П, от 16 мая 2007 года № 6-П, от 17 октября 2011 года № 22-П и от 18 марта 2014 года № 5-П).

Тем не менее с учетом того, что интересы обеспечения и защиты прав потерпевших имеют публично-правовое значение, это не снимает с государства обязанность не только конструировать составы преступлений, но и определять содержание мер наказания таким образом, чтобы наиболее эффективно достигать целей наказания. Согласно части второй статьи 43 УК Российской Федерации наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений. В данной норме, действующей во взаимосвязи с частью первой статьи 1 УИК Российской Федерации, предупреждение новых преступлений понимается как сочетание общей и частной превенций.

Одним из аспектов частной превенции является предупреждение совершения осужденным новых преступлений в отношении гражданина, ранее потерпевшего от его противоправного деяния, потребность в чем тем более возрастает, если речь идет о преступлении, совершенном по мотивам личной вражды, ненависти или неприязненных отношений. Поэтому смысл конституционного предписания об охране законом прав потерпевших от преступлений (статья 52 Конституции Российской Федерации) предполагает принятие соответствующих мер как при определении содержания возможных обременений и правоограничений лица, совершившего преступления, так и при их применении к обстоятельствам конкретного дела.

В частности, применительно к преступлению, предусмотренному статьей 119 УК Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации ранее отметил, что органы государственной власти должны иметь средства для предупреждения насилия и на них возлагается обязанность предоставить потерпевшим при наличии обоснованных жалоб эффективную защиту от угроз как формы психологического насилия, при котором потерпевший может испытывать страх (Определение от 19 января 2021 года № 2-О).

Сказанное в полной мере применимо к необходимости обеспечения потерпевшему эффективных гарантий в период после совершения против

него и других преступлений, особенно связанных с посягательством на жизнь, здоровье, человеческое достоинство, совершение которых к тому же с неизбежностью влечет эмоциональное потрясение потерпевшего от совершенного в отношении него физического и (или) психологического насилия, создает объективные основания для болезненного восприятия и ощущения страха при встрече с совершившим его лицом, даже если оно просто окажется в пределах его видимости и не будет преследовать противоправных целей.

Соответственно, если сама природа наказания допускает возможность учесть в его содержании потребности минимизации рисков потенциально опасного и во всяком случае психологически болезненного для потерпевшего взаимодействия с осужденным, причинившим ему боль, страдания и (или) унижение человеческого достоинства, то такая возможность должна быть реализована в нормативном регулировании, с тем чтобы суд мог выбирать в предусмотренных уголовным законом пределах и на основании установленных этим законом правил назначения наказания его вид и конкретное содержание в рамках избранного вида с учетом обстоятельств дела, личности подсудимого, других предусмотренных уголовным законом критериев. Следовательно, ограничения, составляющие содержание ограничения свободы как вида наказания, призваны быть и элементами санкции за преступление, и гарантиями предупреждения повторного посягательства на права потерпевших.

4. Ограничение свободы является наказанием, не связанным с изоляцией от общества, и заключается в установлении судом осужденному ограничений из числа перечисленных в части первой статьи 53 УК Российской Федерации. Часть вторая этой статьи предусматривает, что данный вид наказания назначается на срок от двух месяцев до четырех лет в качестве основного вида наказания за преступления небольшой и средней тяжести, а также на срок от шести месяцев до двух лет в качестве дополнительного вида наказания к принудительным

работам или лишению свободы в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК Российской Федерации.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 22 декабря 2015 года № 58 разъяснил, что исходя из положений части первой статьи 53 УК Российской Федерации в приговоре осужденному к наказанию в виде ограничения свободы должны быть обязательно установлены ограничения как на изменение места жительства или пребывания, так и на выезд за пределы территории соответствующего муниципального образования без согласия уголовно-исполнительной инспекции (абзац первый пункта 17); если в состав населенного пункта, в котором проживает осужденный, входят несколько муниципальных образований, то суд вправе установить соответствующие ограничения, а также ограничение посещать определенные места в пределах территории такого населенного пункта (абзац первый пункта 18). Иные же ограничения (запреты) устанавливаются судом исходя из целей уголовного наказания, но во всяком случае из числа предусмотренных в статье 53 УК Российской Федерации, как это следует из статьи 3 УК Российской Федерации и прямо указано в абзаце втором пункта 17 названного постановления.

Законодательство предусматривает механизм корректировки содержания уже назначенного и исполняемого наказания в виде ограничения свободы, если оно не достигает своих целей. Так, согласно части третьей статьи 53 УК Российской Федерации в период отбывания ограничения свободы суд по представлению специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, может отменить частично либо дополнить ранее установленные осужденному ограничения. Следовательно, потерпевший вправе обратиться в уголовно-исполнительную инспекцию, сообщить необходимые сведения и

выступать тем самым инициатором подачи соответствующего представления в суд.

Как разъяснил Пленум Верховного Суда Российской Федерации, принимая решение о дополнении ранее установленных осужденному ограничений, суд выясняет, какие именно нарушения, указанные в части первой статьи 58 УИК Российской Федерации, допущены осужденным либо какие иные обстоятельства свидетельствуют о целесообразности такого решения (например, осужденный отрицательно характеризуется, имеет склонность к употреблению спиртных напитков), и указывает в постановлении мотивы принятого решения (постановление от 20 декабря 2011 года № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора»).

При этом Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации в статье 58 закрепляет, что в случае нарушения осужденным порядка и условий отбывания наказания в виде ограничения свободы – таким нарушением наряду с прочим являются несоблюдение без уважительных причин установленных судом ограничений, неявка в уголовно-исполнительную инспекцию по вызову без уважительных причин для дачи устных или письменных объяснений по вопросам, связанным с отбыванием осужденным наказания, нарушение общественного порядка, за которое он был привлечен к административной ответственности (пункты «б», «в», «д» части первой), – уголовно-исполнительная инспекция применяет к нему меру взыскания в виде предупреждения, а за совершение в течение одного года после вынесения предупреждения любого из указанных нарушений – меру взыскания в виде официального предостережения о недопустимости нарушения установленных судом ограничений (часть вторая). Одновременно с этими мерами, а также при наличии иных обстоятельств, свидетельствующих о целесообразности дополнения ранее установленных осужденному ограничений, начальник уголовно-исполнительной инспекции или замещающее его лицо может внести в суд соответствующее представление (часть третья).

Кроме того, осужденный может быть признан злостно уклоняющимся от отбывания наказания в виде ограничения свободы, в том числе когда он допустил нарушение порядка и условий отбывания наказания в течение одного года после применения к нему меры взыскания в виде официального предостережения о недопустимости нарушения установленных судом ограничений, либо отказался от использования в отношении него технических средств надзора и контроля, либо скрылся с места жительства и место его нахождения не установлено в течение более 30 дней (пункты «а», «б», «в» части четвертой той же статьи). В таких случаях, если ограничение свободы назначено в качестве основного наказания, уголовно-исполнительная инспекция вносит в суд представление о замене ему неотбытого срока наказания в виде ограничения свободы наказанием в виде лишения свободы, а осужденный, если он скрылся, объявляется в розыск (части пятая и шестая статьи 58 УИК Российской Федерации; часть пятая статьи 53 УК Российской Федерации; подпункт «г» пункта 2 статьи 397 УПК Российской Федерации).

Таким образом, само по себе правовое регулирование исполнения наказания в виде ограничения свободы предусматривает наличие определенных механизмов, направленных на достижение его целей и включающих корректировку применяемых к осужденному ограничений. В частности, исходя из приведенного регулирования, если осужденный допускает нарушение наложенных на него ограничений, имеются правовые основания и институциональные возможности ужесточения мер воздействия вплоть до замены назначенного наказания на лишение свободы. Отрицательное постпреступное поведение лица также может образовывать и самостоятельное основание уголовной ответственности (т.е. являться новым преступлением).

5. Тем не менее в тех случаях, когда меры взыскания применяются к осужденному к ограничению свободы за нарушение запретов (ограничений), условием (предпосылкой) их эффективности является

возможность установления судом соответствующего запрета (ограничения). И если ограничение посещать места, в которых может регулярно находиться потерпевший (запрет приближаться к данным местам на определенное расстояние), установлено быть не может, то этот механизм, как и механизм корректировки ограничений, не будет оказывать положительного воздействия на сферу личной безопасности и психологического комфорта потерпевшего. Тем более что в приведенном правовом регулировании также не содержится специального указания на наступление неблагоприятных для осужденного последствий его контакта (вербального или визуального) с потерпевшим, осуществленного против его воли, притом что вероятность нанесения нового вреда, как минимум морального, последнему таким контактом достаточно велика.

Ориентир же на то, что факт совершения осужденным нового преступного посягательства против потерпевшего послужит убедительным поводом для последующей (ретроспективной) защиты потерпевшего, искажал бы природу обязанности публичной власти по превентивной защите граждан от преступных посягательств и повышал бы повторную виктимизацию. Кроме того, целенаправленное негативное воздействие осужденного на потерпевшего из-за сохраняющейся личной вражды, ненависти или неприязни либо вновь возникшего чувства мести может быть реализовано и без совершения деяния, содержащего признаки преступления: например, с учетом наличия объективных оснований для болезненного восприятия его потерпевшим и ощущения страха потерпевшего при встрече с ним, самим фактом визуального контакта.

Риски того, что осужденный продолжит попытки контактов с потерпевшим после вынесения приговора, носят во многом не реальный, а вероятностный характер. Тем не менее сам факт того, что осужденный находится на свободе и ему не запрещено появляться в местах, в которых может регулярно находиться потерпевший, может усиливать моральные страдания последнего, связанные с совершенным в отношении него преступлением, создавать у него объективно обоснованные опасения за свою

безопасность, воспринимаемые им вследствие пережитого опыта как реальные.

6. Положения Особенной части УК Российской Федерации, включая его статьи 117 и 119, в качестве основного наказания альтернативно ограничению свободы устанавливают и другие виды наказания, в том числе лишение свободы. При определенном наборе фактических данных суд, выносящий приговор за совершение таких преступлений, может, имея основания предполагать риск возобновления противоправных действий подсудимого по отношению к потерпевшему, в том числе угрожающих жизни и здоровью, если он не будет изолирован от общества, исключить возможность контактов осужденного с потерпевшим посредством применения наказаний, связанных с изоляцией от общества. Вместе с тем такой подход к избранию вида наказания, обусловленный целями защиты лишь интересов потерпевших от преступлений, противоречил бы конституционным принципам справедливости, равенства, законности, гуманизма.

К тому же более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания. Согласно части первой статьи 56 УК Российской Федерации наказание в виде лишения свободы может быть назначено осужденному, совершившему впервые преступление небольшой тяжести, только при наличии отягчающих обстоятельств. Это не исключает применения судом другого вида наказания, если таковые предусмотрены статьями Особенной части УК Российской Федерации наряду с ограничением свободы и лишением свободы. Соответственно, если исходить из того, что ограничение свободы не предполагает установления осужденному ограничений, позволяющих снизить риск его контакта с потерпевшим, при прочих равных условиях суд может – именно в интересах недопущения таких неблагоприятных последствий – склониться к применению более строгого наказания, чем ограничение свободы.

Таким образом, наличие возможности у суда установить в соответствии с частью первой статьи 53 УК Российской Федерации ограничение (запрет) посещать места, в которых может регулярно находиться потерпевший (приближаться к ним на определенное расстояние), служит в указанном аспекте и интересам обвиняемого (осужденного), а также может стимулировать – при условии наличия адекватных механизмов контроля за соблюдением такого рода ограничений, включая эффективное применение технических средств контроля и надзора, – гуманизацию уголовного наказания в аспекте расширения случаев применения наказаний, не связанных с изоляцией от общества.

7. Установление при применении закрепленной в статье 105¹ УПК Российской Федерации меры пресечения в виде запрета определенных действий, связанных с нахождением в определенных местах, в том числе ближе установленного расстояния до конкретных объектов, если таковые соотносятся с потерпевшим (место его жительства, работы или учебы), само по себе не свидетельствует о необходимости автоматического переноса этой системы запретов и контроля за их соблюдением на отношения, возникающие при исполнении наказания в виде ограничения свободы, в силу различного предназначения институтов меры пресечения и уголовного наказания. В то же время наличие такой возможности и практика ее применения подтверждают, что данный инструментарий установления запретов (ограничений) и контроля за их соблюдением не является неприменимым в практической правоохранительной деятельности.

При этом и сама природа ограничения свободы как вида наказания вполне допускает наличие в его содержании ограничений нахождения в определенных местах, направленных на минимизацию рисков контактов осужденного с потерпевшим. Таковые не будут являться дополнительным наказанием или ужесточением уже предусмотренного уголовным законом по воле законодателя наказания. Вместе с тем конституционный статус потерпевшего и конституционно-правовые характеристики мер, которые должно принимать государство для его защиты с учетом их практической

исполнимости, при недостаточной обеспеченности положительного воздействия на сферу личной безопасности и психологического комфорта потерпевшего существующих ограничений (запретов), как они применяются в сложившейся практике при назначении наказания в виде ограничения свободы, по существу, обязывают к тому, чтобы изыскать возможности установления и реализации ограничения (запрета) осужденному к ограничению свободы посещать места, в которых может регулярно находиться потерпевший.

Содержание предусмотренного частью первой статьи 53 УК Российской Федерации ограничения, состоящего в запрете осужденному посещать определенные места, расположенные в пределах территории соответствующего муниципального образования, в том числе в соотношении с также допускаемым к установлению ограничением посещать места проведения массовых и иных мероприятий и участвовать в них, носящим более точечный характер, не исключает того, чтобы в конституционно-правовых целях обеспечения и защиты прав потерпевших рассматривать в качестве таких мест, при наличии оснований для этого, и места, в которых может регулярно находиться потерпевший (места проживания, работы, учебы и другие подобные по степени значимости места), а также включить в определение этих мест конкретное разумное расстояние от них.

Во всяком случае, разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, данные в пункте 19 постановления от 22 декабря 2015 года № 58, не предполагают ограничения категории «определенные места» лишь названными в нем местами общественного питания, в которых разрешено потребление алкогольной продукции, или детскими учреждениями и являются только примерами конкретизации судом разъясняемого ограничения. На суд возлагается обязанность в каждом случае при назначении наказания в виде ограничения свободы как основного или дополнительного вида наказания указывать в приговоре (или последующем судебном решении, в том числе принимаемом на стадии исполнения приговора) признаки таких определенных мест, посещение которых

осужденным ограничено (запрещено), с тем чтобы содержание этого предписания было понятно участникам правоотношений и не выходило за конституционно допустимые пределы. Тем самым конкретизация мест, посещение которых ограничивается для осужденного на основании части первой статьи 53 УК Российской Федерации, должна осуществляться (реализовываться) в каждом таком случае судом.

Таким образом, часть первая статьи 53 УК Российской Федерации не противоречит Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу не исключает конкретизацию судом ограничения посещать определенные места запретом посещения мест, в которых может регулярно находиться потерпевший, в том числе приближаться к этим местам на определенное расстояние.

Соответственно, потерпевший от преступления, за которое в качестве наказания предусмотрено ограничение свободы, не лишен возможности при рассмотрении дела требовать от суда при назначении данного вида наказания установления ограничения (запрета) осужденному посещать места, в которых может регулярно находиться потерпевший, в том числе приближаться к этим местам на определенное расстояние. Отказ в установлении такого ограничения (запрета), в том числе по конкретному заявленному потерпевшим месту, должен быть мотивирован, причем принципиальная невозможность установления ограничений такого рода впредь не может быть основанием для такого отказа. Принимая во внимание конкретные жизненные обстоятельства (в частности, места жительства, работы, учебы самого осужденного), суд должен учитывать, не приведет ли установление такого ограничения применительно к конкретному месту к столь существенному ограничению возможностей осужденного в реализации жизненных потребностей, что оно превысит принуждение, предполагаемое данным видом наказания. Потерпевший также не лишен возможности обращаться к уголовно-исполнительной инспекции, инициируя внесение ею в порядке части третьей статьи 53 УК Российской Федерации представления о дополнении ранее установленных осужденному ограничений указанным

выше ограничением, что не препятствует ему ставить вопрос о необходимости его установления и при обжаловании приговора; бездействие же уголовно-исполнительной инспекции им может быть обжаловано в суд.

Что же касается ограничения посещения осужденным мест, в которых может регулярно находиться кто-либо из близких потерпевшего, Конституционный Суд Российской Федерации исходит из того, что те конституционные основания, на которые он опирается применительно к ограничению посещения осужденным тех мест, в которых может находиться потерпевший, не являются достаточными для распространения данного в настоящем Постановлении конституционно-правового истолкования на места нахождения его близких. Это не препятствует тому, чтобы установить ограничение осужденному на посещение таких мест в связи с тем, что сам потерпевший регулярно в них находится (например, образовательное учреждение, в котором учится ребенок потерпевшего).

Не находит Конституционный Суд Российской Федерации оснований и для того, чтобы усматривать неконституционность части первой статьи 53 УК Российской Федерации в связи с отсутствием в ней ограничения (запрета) приближаться к потерпевшему на определенное расстояние вне зависимости от его местонахождения, а также для того, чтобы дать конституционно-правовое истолкование этому законоположению в смысле возможности предусмотреть в приговоре такое ограничение. В отличие от ограничения посещения определенных мест, уже получившего нормативное закрепление в действующем законодательстве, данное ограничение, как в том числе не полностью соотносимое по содержанию и возможным способам контроля с запретом общаться с определенными лицами, предусмотренным частью шестой статьи 105¹ УПК Российской Федерации, явилось бы правовой новеллой, возможное установление которой относится к компетенции федерального законодателя.

Федеральный законодатель при этом не лишен возможности конкретизировать или дополнить содержание ограничения свободы с учетом

задачи обеспечения и превентивной защиты прав потерпевших в части минимизации объективно обоснованных рисков продолжения (повторения) противоправных или фактически психотравмирующих действий со стороны осужденного.

8. Приговоры по уголовным делам, в рамках которых О.А.Балукова и Ю.М.Чернигина признаны потерпевшими, вступили в законную силу 20 сентября 2021 года и 29 июля 2021 года соответственно. С учетом сроков, на которые назначено ограничение свободы осужденным по данным делам, и установленного УИК Российской Федерации порядка исполнения данного наказания Конституционный Суд Российской Федерации приходит к выводу об отсутствии оснований для пересмотра по данным делам судебных решений, вынесенных на основании части первой статьи 53 УК Российской Федерации.

В то же время согласно части четвертой статьи 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», если пересмотр дела исходя из особенностей соответствующих правоотношений не может привести к восстановлению прав заявителя, Конституционный Суд Российской Федерации вправе указать на необходимость применения к заявителю компенсаторных механизмов; форма и размер компенсации определяются судом, рассмотревшим в первой инстанции конкретное дело с участием заявителя, в котором применены оспоренные в Конституционном Суде Российской Федерации законоположения. Конституционный Суд Российской Федерации полагает, что О.А.Балукова и Ю.М.Чернигина – как лица, инициировавшие вопрос о проверке нормы, конституционно-правовой смысл которой выявлен Конституционным Судом Российской Федерации в настоящем Постановлении, – имеют право на применение в отношении них компенсаторных механизмов, чья форма и размер определяются судом, рассмотревшим в первой инстанции дело, в котором эта норма применена.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать часть первую статьи 53 УК Российской Федерации не противоречащей Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу она не исключает конкретизацию судом ограничения посещать определенные места запретом посещения мест, в которых может регулярно находиться потерпевший, в том числе приближаться к этим местам на определенное расстояние.

2. Конституционно-правовой смысл части первой статьи 53 УК Российской Федерации, выявленный в настоящем Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное ее истолкование в правоприменительной практике.

3. Граждане Балукова Ольга Алексеевна и Чернигина Юлия Михайловна имеют право на применение в отношении них компенсаторных механизмов, чья форма и размер определяются соответственно мировым судьей судебного участка № 387 Басманного района города Москвы и мировым судьей судебного участка № 153 района Хорошево-Мневники города Москвы, рассмотревшими в первой инстанции конкретные дела, в которых применено оспоренное в Конституционном Суде Российской Федерации законоположение.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства

Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

№ 4-П

Конституционный Суд
Российской Федерации